А. Л. Грязнов

«КНЯЗЬ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РУКУ ПРИЛОЖИЛ». НЕПОДЛИННАЯ ДАННАЯ ГРАМОТА ВОЛОГОДСКОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ МЕНЬШОГО*

Системный анализ актов XV — первой трети XVI в., хранящихся в фонде «Грамоты Коллегии экономии», позволил прийти к ряду важных наблюдений[1] и выявить значительное количество неподлинных грамот.[2] Часть из них — простые копии, сделанные в разное

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 13-01-00063.

[1] *Мошкова Л. В.* 1) Палеографический анализ грамот начала XVI в.: проблема отождествления почерков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2013. С. 123–128; 2) «И руку свою приложил»: подписи свидетелей на грамотах XV — первой трети XVI вв. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 254–256; 3) Неподлинные акты XV — первой трети XVI в.: «умысел на обман» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 327–329; 4) Рукоприкладства на грамотах XV — первой трети XVI в. (предварительные наблюдения) // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 12–19; 5) Фальсификация русских актов в первой половине XIX в.: проблемы изучения // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 11. М.; СПб., 2015. С. 58–67; 6) Дата в актах XV — начала XVI в.: время появления и формат // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2015. С. 143–148; 7) «Говорящий формат» или Грамоты с претензией // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апр. 2016 г. М., 2016. С. 382–384.

[2] *Грязнов А. Л.* 1) Неподлинные грамоты XV — первой трети XVI в. по Костромскому уезду // Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 147–163; 2) Анализ неподлинных грамот XV — первой трети XVI вв. из фонда ГКЭ. Данная Евдокии Зворыкиной на земли на Локсомери // История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов, 2016 (в печати);

© А. Л. Грязнов, 2016

время, но некоторое число документов было изготовлено с претензией на подлинность. Первоочередная задача при обнаружении таких актов — выяснение достоверности содержащейся в них информации. Одним из показательных примеров такого рода является данная грамота вологодского князя Андрея Меньшого Кирилло-Белозерскому монастырю на сенокосные угодья в волости Сяма.

Данная Андрея Меньшого опубликована во втором томе АСЭИ по тексту экземпляра, хранящегося в фонде ГКЭ.[3] Издатель грамоты — И. А. Голубцов — посчитал сохранившийся текст списком XVII в. На это, по его мнению, указывали характерные признаки: почерк — скоропись, скорее всего, XVII в., широкие поля (верхнее, нижнее и левое), водяной знак, схожий со знаками 1640-х годов. Резюмируя свои наблюдения, он заключил, что данная грамота — «по всем признакам — монастырский список для суда, едва ли точный, с подновлениями». Судя по этому заключению, содержание грамоты вызывало у И. А. Голубцова какие-то подозрения, но позднее в историографии вопрос достоверности этой грамоты вроде бы не поднимался.[4]

Анализируя внешний вид грамоты, Л. В. Мошкова отметила, что грамота написана с явным подражанием графике XV в. (стилизованный канцелярский полуустав с элементами скорописи), для этого же времени более характерен и цвет чернил — коричневый, но он все же отличается от настоящих железо-галовых. Форма документа — столбец,[5] тогда как для жалованных данных грамот XV в. характерно преобладание ширины над высотой (точнее — иное соотношение ширины и высоты), а «подпись» князя на обороте свидетельствует о стремлении выдать документ за подлинный (см. ил. 1 и 2). Филиграни же, как это отмечал еще И. А. Голубцов, обнаруживают сходство с водяными знаками середины XVII столетия.[6]

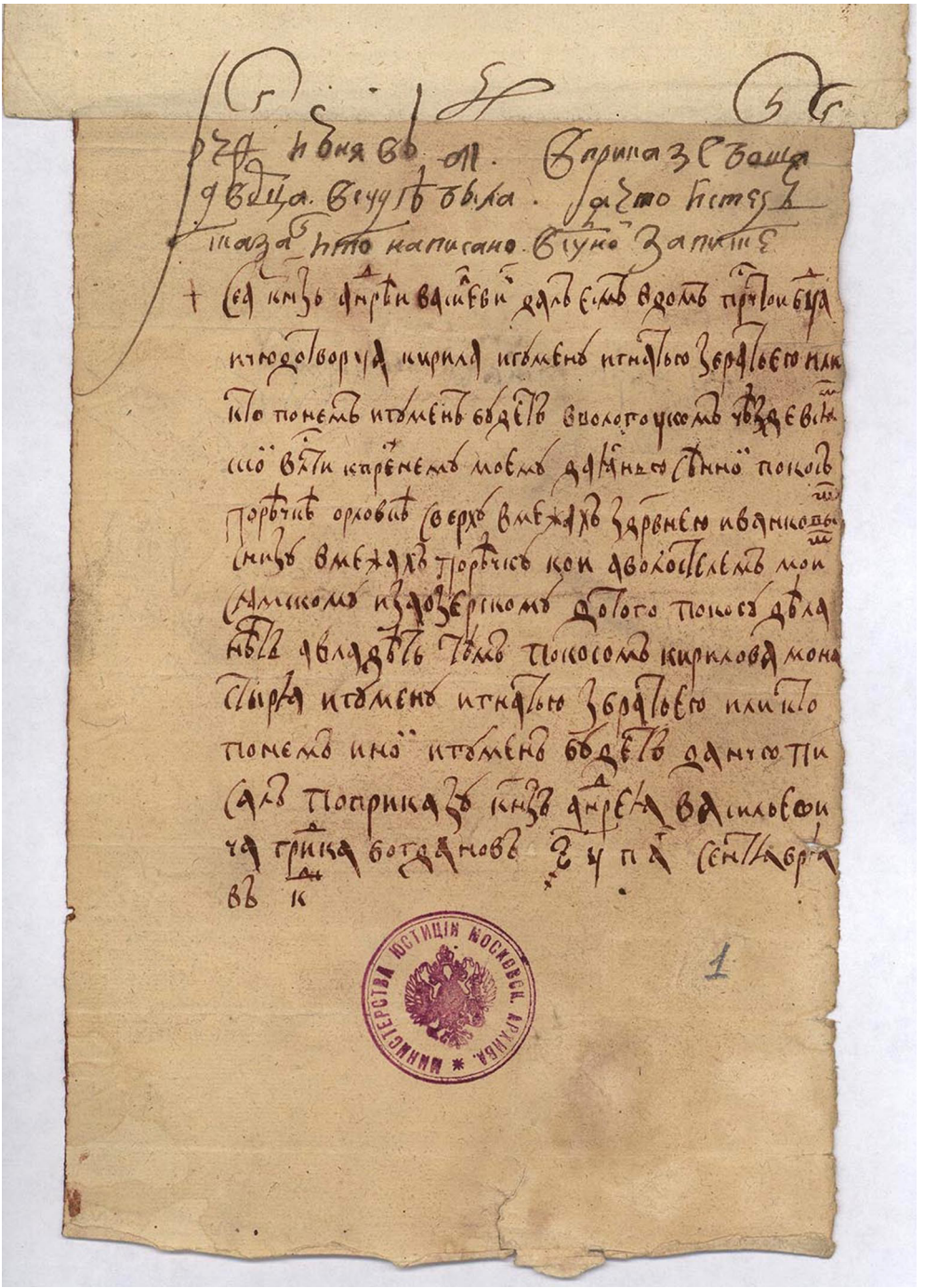
3) Неподлинные акты XV — первой трети XVI в. из фонда ГКЭ по Дмитровскому уезду // Материалы VI Зиминских чтений. 2015. М., 2017 (в печати).

[3] АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 219. С. 141. РГАДА. Ф. 281. ГКЭ. № 2572.

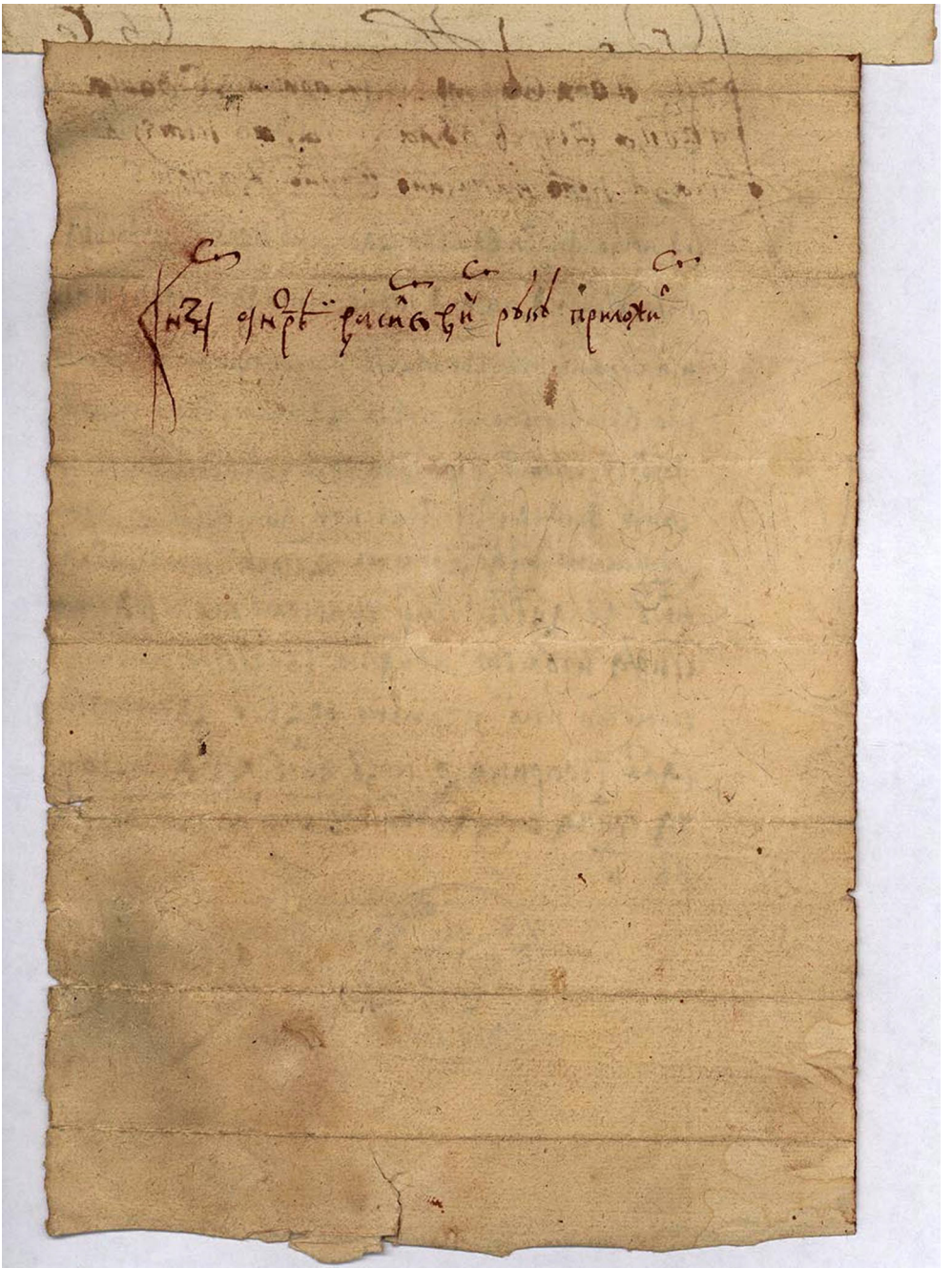
[4] Д. М. Мейчик считал эту грамоту списком XVII века (*Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. № 179. С. 143). С. А. Шумаков, наоборот, полагал, что это подлинник (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 5. М., 2002. С. 201).

[5] Размер грамоты 21,2×14,4 см.

[6] Водяной знак: Двуглавый орел с лилией на груди — наиболее близкий тип Гераклитов 125 — 1638 г. (*Гераклитов А. А.* Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 50), Тромонин 633–634 — 1644 г. (печатный Апостол) (*Тромонин К. Я.* Знаки писчей бумаги. М., 1844). Желтоватая бумага с достаточно частыми вержерами. Ширина понтюзо 25 мм.

Ил. 1. РГАДА. Ф. 281. ГКЭ. № 2572. Лицевая сторона

Ил. 2. РГАДА. Ф. 281. ГКЭ. № 2572. Оборотная сторона

Кроме нехарактерного формата бумаги и почерка, обращает на себя внимание подпись князя на обороте, которая выполнена как рукоприкладство послуха в грамотах XVI–XVII вв. Как видим, хотя документ выдает себя за подлинный, но внешний вид грамоты и бумага свидетельствуют о написании ее в XVII в. (тут необходимо отметить, что в самой грамоте нет указания на то, что это список), поэтому возникает вполне закономерный вопрос о достоверности ее содержания и является ли она копией или подделкой.

В грамоте зафиксирован вклад вологодского князя в Кирилло-Белозерский монастырь. Объект вклада — прилегающий к речке Кой и деревне Иванковой сенной покос на речке Орловке, до которого в будущем не должно было быть дела сямским и заозерским волостелям. Данную по приказу князя Андрея Васильевича написал некий Гридка Богданов 20 сентября 1472 года. На лицевой стороне грамоты, перед началом основного текста находится приказная помета: «199-го июня в 11 день в Приказе Большаго дворца в суде была. А что истец сказал, и то написано в судной записке». Широкое нижнее поле, отсутствие печати и каких-либо ее следов свидетельствуют о том, что печать к этому конкретному документу не прикладывалась изначально.

Этот вклад напрямую связан с двумя предыдущими пожалованиями молодого вологодского князя. Первая грамота была выдана 6 декабря 1471 г. и фиксировала финансовый и судебный иммунитет для монастырской вотчины в Сяме, пожалованной еще Василием II («по грамоте отца своего великаго князя Василья Васильевича, и по грамоте матери своеа великие княгини Марьи»).[7] В другой грамоте Андрея Васильевича отражено пожалование пожни на реке Порозобице на 200 копен.[8] Эта пожня была придана к сямским пустошам, перечисленным в грамоте от 6 декабря 1471 г. В тексте грамоты не указана дата ее выдачи и поэтому в публикации дана широкая датировка по игуменству Игнатия (1471–1474 гг.). Однако, очевидно, что в АСЭИ очередность выдачи этих двух грамот перепутана. На самом деле, сначала было осуществлено пожалование пожни на Порозобице, поскольку в грамоте говорится только о более раннем пожаловании пустошей Василием II («что пожаловал их отец мои князь Василеи Васильевич»). В грамоте же от 6 декабря 1471 года говорится как о пожаловании Василия II, так и о даче пожни на Порозобице («да тех есмь пустошеи дал им покосы на реце на Порозобице», «да что есмь им придал к тем землям свои закосы, князя Андрея Василье-

[7] АСЭИ. Т. 2. № 192. С. 123–124.

[8] Там же. № 205. С. 133 (грамота сохранилась в подлиннике).

вича, на реце на Порозобице»). Следовательно, грамота на пожню на Порозобице должна датироваться не всем временем игуменства Игнатия, а только 1471 годом (промежутком между началом игуменства Игнатия и 6 декабря этого года).[9]

Соответственно, общая картина формирования кирилловской вотчины в Сяме выглядит следующим образом. Сначала монастырь получил пустоши от Василия II, позднее это пожалование было подтверждено Иваном III и великой княгиней Марией.[10] Затем, в 1471 г. князь Андрей Васильевич пожаловал пожню на Порозобице. Потом вотчина по новой грамоте получила финансовый и судебный иммунитет, а в завершение князь Андрей Васильевич придал еще покос на речке Орловке.[11]

Вроде бы данная на сенной покос вписывается в общую канву истории сямской вотчины Кириллова монастыря. Остается выяснить, насколько текст самой грамоты соответствует реалиям 1470-х годов.

Вклад князя Андрея Васильевича дан «в дом пречистой Богородица *и чюдотворца Кирила*». Здесь монастырь назван домом Богородицы и Кирилла Белозерского. И это важный датирующий признак. Изначально монастырь был посвящен Успению богородицы, и еще при жизни Кирилла большая часть купчих оформлялась «в дом святыя Богородицы».[12] После преставления Кирилла к именованию

---

[9] По списку игуменов Кирилло-Белозерского монастыря Игнатий управлял обителью пять лет. С. Н. Кистерев уточнил, что Игнатий мог стать игуменом не ранее осени 1470 г. Последний раз он упомянут в качестве игумена в грамоте от 17 августа 1475 г., а 15 февраля 1476 г. игумена в монастыре уже не было (*Кистерев С. Н.* Круг знакомств Ефросина Белозерского // ОФР. Вып. 2. М., 1998. С. 69).

[10] Хронология формирования кирилловской вотчины в Сяме дана монастырским приказчиком Ромашкой Микифоровым в ходе судебного разбирательства с волостными крестьянами в августе 1546 г. (ОР РНБ. СПбДА. AI/16. Л. 473 об.–474). Ромашка заявил, что грамота Василия II на момент судебного разбирательства находилась в великокняжеской казне. Списка этой грамоты пока обнаружить не удалось, хотя она, например, предъявлялась на суде в 1492 году (см.: АСЭИ. Т. 2. № 287. С. 199).

[11] О кирилловской вотчине в Сяме см.: *Грязнов А. Л., Черкасова М. С.* О формировании межуездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро — Вологда — Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции. Вологда — Кириллов — Белозерск 6–8 июня 2012 г. Вологда, 2012. С. 184–187.

[12] Соответственно, есть возможность сузить датировку этих грамот (в АСЭИ, как правило, указан период 1397–1427 гг.). Если указание на «дом святыя Богородицы» соответствует реалиям первой четверти XV в., то эти грамоты составлялись уже после 1408 г., поскольку освящение Рождественского храма в Ферапонтовом монастыре датируется 8 сентября 1409 г. (*Серебрякова М. С.* Жития преподобных Кирилла и Ферапонта как исторический источник сведений об основании белозерских монастырей // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 186), а, по житию Кирилла, Ферапонтов монастырь появился на год позже Кириллова. Версию об основании Кирилло-Белозерского

монастыря добавилось «Кирилов» и адрес вклада получил следующий вид: «в дом пречистыа Богородици в Кирилов манастырь» (с небольшими вариациями). На самом деле, в начальном протоколе кирилловских актов, составлявшихся в канцеляриях разных князей, ни в 1470-х годах, ни раньше «чудотворец Кирилл» не упоминается. Единственное исключение — это жалованная грамота князя Михаила Андреевича на пустоши Андрейкову и Боровляниново.[13] Но она со-

монастыря в более позднее, чем 1397 г., время поддержал М. А. Шибаев, однако он отметил, что самая ранняя рукопись, происходящая из Кириллова монастыря, датируется 1407 г. (*Шибаев М. А.* Когда была основана библиотека Кирилло-Белозерского монастыря? // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 128–129).

[13] АСЭИ. Т. 2. № 139. С. 82. И. А. Голубцов видел в этом акте список грамоты, составленной после выдачи более ранней жалованной на эти же земли (АСЭИ. Т. 2. № 111. С. 68–69).

хранилась только в списке середины XVI в., причем подлинник схожей по содержанию грамоты отличается, в том числе и неупоминанием «чудотворца Кирилла».[14] Собственно, аутентичность содержания позднего списка этой грамоты стоит под очень большим сомнением, и есть все основания не учитывать ее при анализе времени появления в начальном протоколе кирилловских грамот «чудотворца Кирила».

Сам Кирилл неоднократно упоминается в актах после 1427 г., но в несколько ином ключе. В первую очередь — как действующее лицо поземельных сделок, когда в более позднем акте старцы указывали, что приобретение совершено основателем монастыря.[15] Второй вариант упоминания — «Кирилова память», то есть случаи почитания преподобного.[16]

На самом деле, указание на «чудотворца Кирилла» начинает встречаться в актах (и то редко) с 1485 г. Впервые оно фиксируется в жалованной грамоте Ивана III,[17] а потом в жалованной грамоте князя Михаила Андреевича (1486 г.).[18] Несколько ранее в одной жалованной грамоте князя Михаила Андреевича адрес вклада передан в виде своеобразной переходной формы: «Пречистое деля Богородици и честнаго еа успления и преподобново деля Кирила».[19] Как бы то

---

[14] АСЭИ. Т. 2. № 111. С. 68–69.

[15] Там же. № 155 (1451 г.); № 204 (1471–1475 гг.); № 223 (1473 г.), № 315 (1478/79 г.).

[16] Там же. № 123 (датирована 1448–1470 гг.), № 172 (условно датирована ранее 1459/60 г.), № 186 (грамота условно датирована 1460–1470-ми годами). Упоминание «Кириловой памяти» свидетельствует о том, что грамоты выданы уже после установления официального почитания Кирилла Белозерского, то есть, как минимум, после 1464 г. Стоит учитывать, что грамота № 186 не может относиться к 1460-м и, маловероятно, к 1470-м годам. Дело в том, что она адресована посельскому Микуле Стогинину, сыновья которого, Михаил Гневаш и Михаил Губа Микулины дети Стогинина, упоминаются в источниках с 1493 г. по 1511 г. (*Гневашев Д. Е.* Белозерский род Гневашевых-Стогининых в XV–XVI веках // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. IV. Вологда, 2001. С. 53, 55–56). Михаил Гневаш умер в 1525/26 г. и был похоронен в Кириллове монастыре (*Зимин А. А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 30). Следовательно, посельский Микула Стогинин мог действовать в 1480-х годах, а грамота № 186 должна датироваться около 1480–1486 гг. Вероятно, и грамота № 172 относится к тому же периоду.

[17] АСЭИ. Т. 2. № 267. С. 179–180.

[18] Там же. № 272. С. 182–183.

[19] Грамота датируется 1482–1484 гг. Она сохранилась только в списках XVI в. Самый ранний из них — в составе правой грамоты 1505 г., известной в подлиннике (Там же. № 309. С. 267). Как отдельный текст она опубликована по списку середины XVI в., который отличается от списка 1505 г. несколькими разночтениями (появилось «отца» перед именем Кирилла, Алексеев наволок назван Лексеевым и др.) (Там же. № 262. С. 175).

ни было, но появление в грамотах в адресе вклада «чудотворца Кирилла» произошло уже после смерти вологодского князя, и, значит, эта формула не могла использоваться в его подлинной грамоте.[20]

Еще один анахронизм — это упоминание Вологодского уезда и Сямской волости, на территории которых находился сенной покос. Сяма действительно входила в состав удела князя Андрея Васильевича,[21] да и объект вклада на самом деле был частью кирилловской вотчины. Во всяком случае, на межевом плане 1786 года[22] и, соответственно, на Генеральном уездном плане 1780–1790-х годов,[23] территория по берегам речки Орловки от деревни Иванковы до ее впадения в реку Кой показана входящей в состав межевой дачи деревни Останиной с деревнями и пустошами. Эта межевая дача была сформирована на основе вологодской части бывшего монастырского вотчинного комплекса Рукина Слободка. Однако принципиально важно то, что в грамоте говорится не о Сяме, а о Сямской волости и Вологодском уезде, то есть используется терминология XVI–XVII вв., тогда как в 1470-х годах. Вологодского уезда еще не существовало,[24] а территория позднейшей Сямской волости именовалась просто Сяма, собственно как и другие вологодские микрорегионы того времени: Кубена, Водога, Янгосар, Бохтюга, Пельшма, Комела, Волочок, Лоскома, Маслена.

---

[20] В литературе утвердилось мнение, что канонизация Кирилла Белозерского произошла до 1448 г. (*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 74). Оно основывается на договорной грамоте Василия II с князем Иваном Андреевичем Можайским 1448 года, в которой для нарушивших договор предусмотрена санкция от бога, богородицы, великих чудотворцев Николая, Петра и Леонтия и преподобных старцев Сергия и Кирилла (ДДГ. М.; Л., 1950. № 51. С. 151, 153, 155). Эта же формула, видимо, содержалась в договорной грамоте Василия II с Дмитрием Шемякой. Во всяком случае, именно в связи с этим договором она цитируется в окружной грамоте митрополита Ионы (АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 87. № 43) и в Воскресенской летописи (но тут уже Кирилл не упомянут, а Сергий назван чудотворцем) (ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 121). Здесь стоит отметить, что и в договорной грамоте с князем Иваном Андреевичем, и в окружной грамоте митрополита Ионы ни Сергий, ни Кирилл не названы чудотворцами.

[21] ДДГ. № 61. С. 195.

[22] РГАДА. Ф. 1354. Планы дач Генерального и Специального межевания. Оп. 68. Ч. 1. О-97. Красная.

[23] РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские карты, планы и атласы Генерального межевания. Оп. 1. Д. 318.

[24] Удел князя Андрея Васильевича и в духовной Василия II, и в духовной самого князя Андрея именовался «Вологда, и с Кубеною, и с Заозерьем, со всем, и что к Вологде, и к Кубене, и к Заозерью потягло» (ДДГ. № 61. С. 195, № 74. С. 276). Подробнее о составе удела князя Андрея Меньшого см.: *Грязнов А. Л.* Расположение и границы северных владений ярославских князей // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: материалы всероссийской научно-практической конференции 26 июня 2015 года. Ярославль, 2016. С. 179–192.

В пользу позднего происхождения текста акта свидетельствует указание на то, что пожня находится под юрисдикцией сямских и заозерских волостелей. Подведомственность территории небольшой пожни двум волостелям — ситуация довольно странная и требующая объяснения. Собственно, еще раз волостели сямские и заозерские вместе встречаются только в жалованной грамоте князя Андрея Васильевича именно на владения в Сяме. По этой жалованной князь давал монастырской вотчине различные льготы и выводил ее из-под юрисдикции сямских и заозерских волостелей. Сами деревни находились на территории Сямы, но в этом случае упоминание заозерских волостелей могло быть связано с тем, что границы владений, а особенно тянувшие к деревням и пустошам сенокосные угодья по Порозобице, граничили с волостью Ухтюшка, которая, видимо, в то время находилась под юрисдикцией заозерских волостелей.[25] В случае же с пожней по речке Орловке возможности для пересечения юрисдикций разных волостелей мы не видим, и упоминание двух волостелей неоправданно. Стоит отметить, что в подлинной жалованной грамоте на угодья на р. Порозобице не указывается вообще никаких волостелей.[26]

Формула «дела нет» не встречается ни в других жалованных грамотах князя Андрея Меньшого, ни в грамотах этого времени иных князей.

Повторением выглядит фраза «А владеть тем покосом Кирилова монастыря игумену Игнатью з братьею, или кто по нем иной игумен будет», поскольку в начальном протоколе уже было указано, что сенной покос князь «дал... игумену Игнатью з братьею, или кто по нем иной игумен будет...». Это, скорее всего, свидетельствует о не очень умелой компиляции текста данной.

Странным выглядит упоминание Гридки Богданова, которому князь Андрей Васильевич якобы поручил составить документ. Ни в одном другом акте, вышедшем из канцелярии вологодского князя, имени составителя не указано. Исключение составляет духовная грамота самого князя Андрея Васильевича, написанная князем Василием Ухтомским. Имена двух дьяков князя Андрея Васильевича выясняются из одного заверения на грамоте[27] и двух подтверждений,[28] но они не писали сам текст грамот, а именно заверяли их.

---

[25] Например, три пожни, расположенные на левом берегу Порозобицы в районе ее впадения в Кубенское озеро, принадлежали Сямскому Рождественскому монастырю (РГАДА. Ф. 1355. Экономические примечания к планам Генерального межевания. Оп. 1. Д. 40/120. Л. 266, 267).

[26] АСЭИ. Т. 2. № 205. С. 133.

[27] «А подписал дьяк Федор Мячков» (АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 270. С. 285).

[28] «А подписал дьяк Федор Мячков» (Там же. № 256. С. 277), «А подписал дьяк Микифор» (АСЭИ. Т. 2. № 103. С. 64).

Подпись князя передана как рукоприкладство послуха на документах XVI–XVII вв.: «Князь Андрей Васильевич руку приложил». На остальных грамотах вологодского князя (в том числе и сохранившихся только в списках) его подпись передана верно: «Князь Андрей Васильевич».

Собственно, если выделить в грамоте те места, которые не характерны для подлинного акта 1470-х годов, то остается только топографическая привязка вклада и общие места (имя князя, название монастыря, имя игумена и дата):

«Се аз, князь Андрей Васильевич, дал есмь в дом пречистой Богородица *и чюдотворца Кирила* игумену Игнатью з братьею, или кто по нем иной игумен будет, *в Вологоцком уезде, в Сямской волости*, к прежнему моему даянью сенной покос по речке Орловке сверху в межах з деревнею Иванковым, снизу в межах по речку Кой. *А волостелем моим сямскому и заозерскому до того покосу дела нет. А владеть тем покосом Кирилова монастыря игумену Игнатью з братьею, или кто по нем иной игумен будет. Данную писал по приказу князь Андрея Васильевича Гридка Богданов*, 6981-го сентября в 20 день».

Вся совокупность приведенных сведений показывает, что мы имеем дело с фальсификатом. Цель его изготовления ясна из приказной пометки на самой грамоте — она привлекалась как доказательство в суде. Может быть, этот документ — плод вынужденной реконструкции утраченного документа и таким образом старцы пытались защитить свои законные владельческие права? Судя по генеральному межевому плану Вологодского уезда,[29] описываемый в жалованной грамоте участок принадлежал Кириллову монастырю.[30] Следовательно, судья в конце XVII в. посчитал доводы монастырских властей вполне убедительными, а рассматриваемый документ достоверным. Тут необходимо отметить, что важнейшие сенокосные угодья, тянувшие к деревням Рукиной Слободки (что в Белозерском, что в Вологодском уездах), располагались на правом берегу Порозобицы. В этой связи отдельное пожалование небольшого сенного покоса выглядит странным, притом, что незадолго до этого монастырю был пе-

---

[29] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 318.

[30] В составе владений Кириллова монастыря была еще пожня на другой речке Орловице. Эта Орловица располагалась немного севернее сямской Орловки, на территории белозерской части Рукиной Слободки и впадала в Порозобицу недалеко от речки Ергобой. Как кирилловское владение эта пожня упомянута в отводной грамоте 1492 г. (АСЭИ. Т. 2. № 290. С. 225) и во время судебных разбирательств с Ферапонтовым монастырем в 1525/26 г. (РНБ. СПбДА. AI/16. Л. 1420–1421 об., 1425 об.–1427 об.).

редан целый массив пустошей (образовавших единый территориальный комплекс) и затем еще значительная по размерам пожня. Часть этих пустошей так и не была возрождена, поэтому практического смысла в выдаче через год новой грамоты, дополняющей это пожалование, не было. Наверняка у монастыря попросту еще не было рабочих рук для освоения нового приобретения и, следовательно, не было потребности в расширении угодий.

Последние наши сомнения развеивает один красноречивый факт. Ни в самой ранней кирилловской копийной книге 40-х годов XVI в.,[31] ни в огромных копийных книгах XVII в.[32] списка рассматриваемой жалованной грамоты не обнаруживается. Нет на нее и отсылок в других документах XV–XVI вв.[33] Получается, что в середине XVII в. в монастыре изготовили копию (с претензией на подлинник) грамоты XV в., ни малейших следов которой за два столетия пребывания в монастырском архиве не обнаруживается, а после снятия с нее копии сама грамота бесследно исчезает.

Все это позволяет считать и данную на сенокос по речке Орловке фальсификатом середины XVII в.[34] Непосредственным источником для составителя фальшивой грамоты, судя по всему, послужила жалованная грамота князя Андрея Васильевича на пустоши в Сяме.

---

[31] РНБ. Q.IV/120 (полностью издана: *Дебольский Н. И.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900).

[32] РНБ. СПбДА. AI/16, AI/17, Q.113а, Q113б (каталог документов, содержащихся в этих копийных книгах: *Енин Г. П.* Описание документов XIV–XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб, 1994).

[33] Например, рассматриваемая данная не упомянута в судном деле 1546 г. на земли в Сямской волости, хотя монастырский приказчик предъявил судье другую грамоту князя Андрея Меньшого, указал на существование грамот Василия II, великой княгини Марии и грамот времени правления Ивана III (РНБ. СПбДА. AI/16. Л. 473 об.–474).

[34] Приказная помета на лицевой стороне грамоты свидетельствует о том, что данная использовалась на суде (видимо, второй раз) через несколько десятилетий после изготовления. Кроме того, у нас есть еще один пример сознательной фальсификации властями Кирилло-Белозерского монастыря жалованной грамоты Андрея Меньшого (*Гневашев Д. Е.* Подложный акт вологодского удельного князя Андрея Меньшого из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 239–242).